

Между евреем, поляком и русским

Личная идентификация и общественные границы в романе Льва Леванды «Горячее время»

Нелли Александровна Шульман

Hebrew University of Jerusalem

Аспирант

ORCID: 0009-0002-1437-2510

Department of Russian and Slavic Studies, Hebrew University of Jerusalem

Edmond J. Safra Campus,

Givat Ram, Jerusalem, 919040, Israel

Тел.: + 972 2-5883581

E-mail: nashulmans@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.20

Аннотация. Роман Льва Леванды «Горячее время», посвященный польскому восстанию 1863 г., публиковался в журнале «Еврейская библиотека» с 1871 по 1873 г. Действие романа охватывает временной период с 1861 по 1864 г. В центре внимания автора находится драматический процесс самоопределения евреев Северо-Западного края на фоне зреющего восстания и процесс смены их национальных и гражданских ориентаций. Целью исследования является определение путей самоидентификации героев романа «Горячее время» и влияние общественных процессов на их самоопределение. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: анализ текста романа «Горячее время» и выявление в нем описаний самоидентификации героев, а также исследование путей влияния актуальной общественной обстановки на выражение идей персонажей романа. Анализируя текст романа «Горячее время» и сопутствующую ему публицистику, можно с уверенностью сказать, что автор романа рассматривает вопрос национальной самоидентификации евреев как ключевой фактор в процессе их ассимиляции в Российской империи. С другой стороны, исторический фон польского восстания 1863 г. позволяет автору выйти за рамки стандартного нарратива антинигилистического романа и отобразить поиски личной и общественной идентификации в разных стратах еврейского общества.

Ключевые слова: *еврейская самоидентификация, еврейская ассимиляция, антинигилистический роман, польское восстание 1863 г., Лев Осипович Леванда*

Ссылка для цитирования: *Шульман Н. А. Между евреем, поляком и русским. Личная идентификация и общественные границы в романе Льва Леванды «Горячее время» // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2024: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции. С. 398–410. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.20*

1870-е годы занимают особое место в истории еврейства Российской империи. Согласно мнению Б. Горовица, «...эта декада характеризуется заботой о личной аккультурации в русское общество, которая, как настаивали лидеры еврейской общины, являлась неизбежной благодаря экономическому прогрессу» [Horowitz 2013, 105].

Неизбежным спутником аккультурации еврейской общины являлся подъем в уровне знания русского языка и вследствие этого повышение спроса на литературу, написанную на русском языке, однако освещающую еврейскую тематику.

Кроме этого, подобные произведения служили своеобразным мостом между еврейскими и русскими писателями. Согласно мнению И. В. Земцовой, «важность не только прямых контактов с писательской средой, но и открытого диалога с ней была во многом обусловлена активным вступлением евреев в русскую литературу, журналистику, художественную критику» [Земцова 2012, 59].

Созданные еврейскими писателями беллетристические произведения одновременно несли на себе отпечаток как реалистической русской литературы, так и западного «газетного» или «сенсационного» романа, достигшего пика своей популярности в 1860–1870-е гг. [Ousby 1995, 844].

Если в творчестве первого еврейского писателя, создавшего свои произведения на русском языке, Осипа Ароновича Рабиновича (1817–1869) отчетливо прослеживается влияние русской реалистической прозы («Штрафной», 1859), то произведения Льва Осиповича Леванды (1835–1888), в частности его самый известный роман «Горячее время», можно отнести к книгам, созданным в ключе «сенсационного» романа.

Лев Осипович Леванда, родившийся в Минске, начал читать книги на русском языке еще во время обучения в хедере. В 1846 г., поступив в казенное еврейское училище, Леванда сумел получить там достаточно разностороннее образование, так как директор учебного заведения ввел в программу и общие предметы. Леванда продолжил свое обучение в четвертом классе Виленского раввинского училища.

Знакомство Леванды с русской литературой началось с поэзии Пушкина и Лермонтова, и еще подростком Леванда начал писать стихи на русском языке. В 1854 г., окончив училище по педагогическому отделению, Леванда получил должность преподавателя еврейских предметов в Минском казенном училище, где он работал до 1860 г.

Еще в 1858 г. Леванда обратился к О. А. Рабиновичу, предлагая тому издавать журнал на идише, однако в итоге он начал сотрудничать с основанным Рабиновичем еженедельником «Рассвет». Во время Польского восстания 1863 г. Леванда выступал за сохранение тесных связей с русской культурой, поскольку, с его точки зрения, именно ассимиляция являлась единственной возможностью решения еврейского вопроса.

Леванда начал печататься с 1850 г. в «Минских губернских ведомостях», где он использовал псевдоним Лиднев. Во время восстания 1863 г. Леванда был корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей». В газете выходили его «Письма из Вильны», в которых предлагались способы и средства для русификации Северо-Западного края и описывался традиционный уклад жизни в еврейских местечках.

Работая редактором «Виленских губернских ведомостей», Леванда внес большой вклад в развитие газеты, а в 1870–1880 гг. Леванда много писал для выходившей в Санкт-Петербурге под редакцией А. Е. Ландау «Еврейской библиотеки», где и был опубликован роман «Горячее время».

Действие романа происходит в период с 1861 по 1864 г. Описывая зреющее восстание 1863 г., Леванда анализирует драматический процесс самоопределения евреев Литвы, приводящий их к смене национальных и гражданских ориентаций.

Рассмотрим прежде всего место романа «Горячее время» внутри парадигмы нарратива традиции и нарратива ассимиляции. Во вто-

рой половине XIX в. еврейская литература Европы и, впоследствии, США создала два крупных течения, отвечающих социальным процессам внутри еврейской общины, то есть нарастающей ассимиляции и отказу от традиционного образа жизни [Karafilis 2010, 131].

Нарратив традиции, который зачастую называют «литературой гетто», рассматривает вышеупомянутый образ жизни и быт еврейской общины через призму сентиментального к ним отношения.

В произведениях такого рода жизнь евреев в черте оседлости или в гетто практически теряет трагические ноты и превращается в очевидно приукрашенный и сентиментальный нарратив, призванный напомнить сторонникам ассимиляции о традиционных еврейских ценностях, от которых они добровольно отказываются.

В «литературе гетто» персонаж, разделяющий принципы ассимиляции, зачастую является антигероем, несущим символическое или даже реальное наказание за свои заблуждения. Нарратив ассимиляции, с другой стороны, рассматривает последнюю не как зло, а как необходимое условие для интеграции евреев в современное им общество.

Роман «Горячее время», несомненно, принадлежит к нарративам ассимиляции. Герои произведения, принадлежащие к новому поколению, считают еврейскую традицию отжившей свое и находятся в поисках собственной идентичности.

Вот как описывает свое двойственное положение одна из героинь романа.

Что я, в самом деле, такое? – Полька? – Воспитание получила я преимущественно польское. Обучалась я в польском пансионе. Мои гувернантки были польки. Люблю польскую литературу, фонд моей библиотеки составляют польские книги, пишу этот дневник по-польски. Но я чувствую, что между мною и полькою – целая бездна; я всегда чувствовала, что полька смотрит на меня, как на жидавку, а я смотрю на польку с чувством человека презираемого на человека презирающего, т.е. с затаенною злобою [Леванда 1872, 49].

Согласно исследованию О. Соболевской, современная роману Л. О. Леванды еврейская пресса, стоявшая на позициях ассимиляции, в то же самое время зачастую выступала против распростра-

ненной среди обеспеченных еврейских семей практики обучения дочерей в нееврейских школах и пансионах, один из которых и поощала героиня романа.

В частности, О. Соболевская замечает, что «существующая модель женского образования и воспитания – постоянный объект критики авторов “Izraelity” на протяжении середины 60-х гг. XIX – 10-х гг. XX в. Внимание к нему было обусловлено тем, что “один из главнейших показателей интеллектуального развития общества – это уровень развития женского образования”. <...> Осуждению регулярно подвергалось “изысканное воспитание”, результатом которого становится неприспособленное к жизни существо» [Соболевская 2012, 401–402].

Героиня «Горячего времени», продолжая свои размышления, задается вопросом о возможности новой национальной идентификации для евреев.

Стало быть, что же, я – еврейка? – Без сомнения. Но смысл этого слова с каждым днем все более и более суживается. За границей, говорят, это слово обозначает уже только вероисповедание. То же самое со временем, вероятно, будет и у нас. Но ведь вероисповедание есть только часть жизни, а не вся жизнь... Мы чувствуем, что еврейская почва все более и более суживается под нашими ногами, мы чувствуем, что нам становится уже тесно и неудобно на этой почве. Дойдет, вероятно, до того, что нам уже невозможно будет держаться на ней. К кому же примкнуть? И примыкаем мы каждый как Бог даст: один к одной народности, другой к другой [Леванда 1872, 50].

Подобные размышления, сопряженные с развернутым историческим фоном польского восстания 1863 г., расширяют рамки повествования, превращая роман «Горячее время» в произведение, близкое русскому социально-политическому роману.

Наиболее известными из подобных романов были антинигилистические произведения, из которых в 1860-х гг. выделялись «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского (1863) и «Некуда» Н. С. Лескова (1864), однако в «Горячем времени» авантюрно-уголовный сюжет становится историко-авантюрным.

Как правило, героем антинигилистического романа становился вступающий в жизнь и ищущий свое призвание молодой интелли-

гент, фигура которого выражала глубинные национальные интересы. Стремление служить высоким идеалам, увлеченность новейшими учениями и столкновение с чиновничьими злоупотреблениями приводили его на время в плен нигилистических идей и делали объектом манипуляций со стороны антигероев подобных произведений.

Широкая панорама общественной жизни, представленная в таких произведениях, демонстрировала происхождение нигилизма, его вырождение, моральную несостоятельность и чужеродность идей радикальных социальных преобразований России.

С антинигилистическим романом «Горячее время» объединяют также полемичность и характерная близость персонажей к легко узнаваемым реальным прототипам. Таким образом, «польской интригой» в качестве «двигателя действия» и неприятным изображением польских заговорщиков отнюдь не исчерпывается сходство «Горячего времени» с антинигилистическим романом, в контексте которого должно было восприниматься произведение Леванды современниками.

Поясним расстановку персонажей этого романа и, прежде всего, историю его героинь. Каждая из них, получив светское образование дома или в пансионе, обретает свой опыт приобщения как к польской, так и к русской политической и культурной среде.

Повествование открывается записями из дневника Софии Аронсон, знакомящими читателя с ее подругами – Полиной Кранц, дочерью богатого коммерсанта, ставшей активной участницей польского Жонда народного (Национальное правительство, орган самоуправления повстанцев), и Мэри Тидман, которая по финансовым обстоятельствам уезжает к родственнице в город Г. Там Мэри знакомится с кружком учителя Аркадия Сарина – рупора русофильских воззрений Леванды 1860-х гг.

Мэри воспринимает его идеи, открывая для себя русскую литературу. На примере переписки подруг и их личных судеб демонстрируется бесперспективность выбора польской идентичности, которая в романе Леванды приводит лишь к краху: Полина вступает в круг заговорщиков, однако в большинстве своем они не воспринимают ее как равную себе. После разгрома восстания Полина, желавшая быть «полькой Моисеева исповедания», бежит за границу и заболевает от пережитых испытаний.

События «Горячего времени» разворачиваются отчасти в городе Г (Гродно), но главным образом в городе N (обычное место действия у Леванды), в котором без труда распознается Вильна, которую Леванда описывает как город «с своим громадным еврейским населением, с своим большим контингентом еврейских ученых и обучающегося юношества, с своим вековым авторитетом в среде еврейских общин всего края» [Леванда 1872, 51].

Несмотря на тесную связь «города N» с еврейской ученостью и традицией, молодые герои романа идентифицируют себя с нееврейской средой, предпочитая употреблять европейское выражение, определяющее еврея как полноправного гражданина той или иной страны, однако «Моисеева исповедания».

Подобная идентификация является ключевой для героев романа в их поисках собственной национальной принадлежности. Самоопределение через «Моисеево вероисповедание», по их мнению, избавляет евреев от унижительного опыта прошлого и ставит в одинаковое положение, в данном случае, с поляками.

– Я думаю, что теперь уж будет иначе, – возразила я. – Ты забываешь, что теперь мы – польки Моисеева исповедания, стало быть, называть нас жидувками никто уже не смеет.

– В самом деле? – спросила она удивленно, как будто она теперь только услышала эту новость. – И это правда? И ты не лжешь? И газета не лжет? О, как это хорошо! Как я счастлива! Да, мы польки, будем польками не хуже родовитых полек! Я им это докажу! Послушай, Зося, – сказала она, вскочив с кушетки и протянув мне свою правую руку, – дадим себе клятву – говорить между собою не иначе, как по-польски, согласна?

– Согласна.

– Ни по-немецки, ни по-французски, – на что нам эти языки? – а только по-польски, языком нашей отчизны, *dobrze*?

– *Dobrze*.

– И да будет стыдно тому, кто нарушит эту клятву! Согласна? [Леванда 1872, 85].

Активная вовлеченность евреев в восстание 1863 г., по мнению Л. Финкельштейна, привела к диаметрально противоположным

последствиям. С одной стороны, *маскилим*, идеалы которых разделял Лев Леванда, выступали против еврейской поддержки восстания, считая, что лояльность России более важна для достижения равного положения евреев в империи. С другой стороны, существовавшая поддержка евреев и их участие в партизанской борьбе сформировали в польской литературе устойчивый образ еврея-патриота [Finkelstein 1997, 81].

Подобный герой существует и в романе Леванды. Размышляя об обязанностях евреев перед Польшей, он приходит к выводу о необходимости поддерживать восстание ради той же самой новой личной и общественной идентификации, которая, по его мнению, так необходима евреям.

Для молодого поколения приверженность «стариков», как называет их герой романа, еврейской традиции, отжила свое и, по его мнению, положительная самоидентификация для евреев теперь возможна только через участие в борьбе Польши за свою независимость.

Город оделся в траур. Это, как говорят, траур по ойчизне. В костелах поют какие-то патриотические гимны. Поляки требуют, чтобы и евреи надели траур, значит, наше дело общее. Польша – наша общая ойчизна. На ее защиту призывают нас всех. Мы все пойдем, должны пойти. Мы не должны щадить никаких жертв. Как сладко иметь ойчизну, любить ее, тревожиться за нее, проливать за нее слезы и кровь! Наши старики не знали этого чувства, но они еще многого не знали; время было другое. Старики говорят, что время было лучшее, но мне кажется, что худшее.

...Слава Богу, что колесо времени зацепило, наконец, и нас, евреев. Не вечно же оставаться нам позади процессии, подвигающейся вперед. Куда поляки, туда и мы. В обществе живых людей и мы, может быть, воскреснем, тем более что мы ведь не совсем еще умерли [Леванда 1872, 125].

Возвращаясь к структуре антинигилистического романа, в «Горячем времени» место ищущей русской молодежи занимают молодые еврейские интеллигенты. Функцию авантюристов-радикалов, которые в антинигилистических романах нередко действовали в союзе с польскими эмиссарами, выполняют польские заговорщики,

а поиск достойной служения идеи, поиск истинного служения народу и/или родине замещает поиск верной национальной ориентации.

Решение еврейского вопроса Леванда в романе, как и в публицистике, увязывает со сменой поколений. Национальная идентификация, не вызывающая рефлексий и сомнений у старшего поколения, для молодежи становится проблематичной, однако Леванда, принадлежавший к лагерю *маскилим*, считал, «что будет время, когда еврей, помимо своей религии, станет настоящим гражданином, истинным сыном земли Русской» [Гольдберг 1900, 23].

По его мнению, подобные надежды основаны на стремлении молодых евреев «быть русскими». По его словам, «вся еврейская молодежь, как один человек, готова стать под русское знамя», к чему и готовится «в изучении языка, литературы и истории России» [Гольдберг 1900, 23].

Рупором подобного отношения к аккультурации и ассимиляции евреев становится еще один герой романа, Аркадий Сарин, организующий обучение евреев русскому языку и культуре. В показательной сцене он объясняет свой выбор желанием помочь евреям «стать русскими».

Программа наша состоит в том, чтобы выдвинуть наших единоверцев из заколдованного круга, в который их втиснули неблагоприятные обстоятельства, и поставить их на путь к русскому гражданству. Короче сказать: программа наша состоит в том, чтобы сделать евреев русскими.

– Почему русскими, а не немцами? – спросила я, несколько испугавшись программы кружка. – Вы разве не признаете, что германская цивилизация несравненно выше русской?

– Нам нет никакого дела до того, чья цивилизация выше, – ответил он. – Речь идет пока у нас не о цивилизации, а о народности, т.е. о духе и языке. Мы живем в России, а потому мы должны быть русскими [Леванда 1872, 140].

По мнению героя романа, в борьбе между польской и русской идентичностью для евреев поляки проигрывают, так как сама Польша «отходит в вечность». Будучи уверенными в положительном отношении русских к желанию евреев стать таковыми, он считает, что для евреев гораздо более предпочтительна «русская» идентичность.

– Что же на то скажут поляки?

– Поляки свое слово уже сказали. Всею своею прошлою политикою к нам они доказали, что им нежелательно, чтобы мы были поляками.

– Но теперь они ведь поют совсем другое.

– То, что они поют теперь, им следовало запеть, по крайней мере, сто лет тому назад. Тогда был бы прок. Теперь же нам до их лебединой песни нет никакого дела; она нас трогает, как голос умирающего, но она не обязывает нас лечь в гроб вместе с отходящею в вечность Польшей. Судьба предписала нам жить, а потому мы должны и будем жить. Будем жить и петь: хотим быть русскими!

– Но что будет, если ваша новая песнь не найдет отголоска и в русских? – спросила я.

– Этого не может быть, – ответил он твердо [Леванда 1872, 141].

Необходимо заметить, что в реальности подобные устремления еврейской интеллигенции зачастую встречались с неприятием со стороны русской интеллигенции и даже с прямым антисемитизмом.

Как пишет И. В. Земцова, «со временем, однако, выявились довольно болезненные противоречия между носителями русской литературной культуры и еврейскими литераторами» [Земцова 2012, 59].

На примере Сарина, безусловно, выражающего надежды Леванды в годы либерального подъема 1860-х гг., писатель показывает не только направление в сторону «слияния», но и неизбежные трудности в реализации подобных устремлений, ставшие очевидными в начале 1870-х гг.: безразличие имперской администрации к самой проблеме приобщения евреев к русской культуре и тем более к постановке вопроса о гражданской идентичности, что отражено в заключительной 4-й части романа (главы IX, X).

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что роман Льва Леванды «Горячее время» успешно отображает всю многоплановость поисков национальной идентичности, в которых находилось русское и польское еврейство в 1860–1870-х гг.

Сам Леванда, пропагандируя ассимиляцию евреев в русское общество, использует исторический фон восстания 1863 г. для демонстрации главного послания романа, а именно призыва евреев раз-

делить русские ценности и идеалы и отказа от, по мнению Леванды, как «отживших свое» традиционных еврейских устоев, так и от «опасного нигилизма», выражающегося в поддержке поляков в борьбе за их независимость.

Литература

- Земцова 2012 – *Земцова И. В.* Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX – начало XX в.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 57–62.
- Гольдберг 1900 – *Гольдберг Б. А.* Л. О. Леванда как публицист. Вильна: Типография Братьев Д. и Х. Яловцер, 1900. 50 с.
- Леванда 1872 – *Леванда Л. О.* Горячее время // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Т. 2. СПб.: Издание А. Е. Ландау; типография В. С. Этингера; типография М. Хана, 1872. VIII, 492 с.
- Соболевская 2012 – *Соболевская О.* «Женская тема» в польско-еврейском еженедельнике «Izraelita» (1866–1912) // Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 2. М.: Сэфер, 2012. С. 398–414.
- Finkelstein 1997 – *Finkelstein L.* Jewish Participation in the Polish Struggle for Independence 1794–1918 // European Judaism: A Journal for the New Europe. 1997. Vol. 30. № 1. P. 70–86.
- Horowitz 2013 – *Horowitz B.* Russian Idea – Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life. Brighton, MA: Academic Studies Press, 2013. 307 p.
- Karafilis 2010 – *Karafilis M.* The Jewish Ghetto and the Americanization of Space in Mary Antin and Her Contemporaries // American Literary Realism. 2010. Vol. 42. № 2. P. 129–150.
- Ousby 1995 – *The Cambridge Guide to Literature in English* / ed. Ia. Ousby. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 466 p.

**Between a Jew, a Pole and a Russian.
Personal Identity and Social Boundaries
in the Novel “The Seething Times” by Lev Levanda**

Nelli Shulman

Hebrew University of Jerusalem
PhD student
ORCID: 0009-0002-1437-2510
Department of Russian and Slavic Studies,
Hebrew University of Jerusalem
Edmond J. Safra Campus,
Givat Ram, Jerusalem, 919040, Israel
Тел.: + 972 2-5883581
E-mail: nashulmans@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.20

Abstract. Lev Levanda’s novel “The Seething Times”, dedicated to the 1863 Polish uprising, was published in the *Jewish Library* magazine from 1871 to 1873. The narrative covers the period from 1861 to 1864 and the author focuses on the dramatic process of self-determination of the Jews of Lithuania against the backdrop of an uprising and the process of changing their national and civic orientations. Although “The Seething Times” enjoyed popularity in the 19th century, currently remains an object of interest to researchers. In particular, we can point to two articles by Shimon Markish, “Is It Worth Rereading Lev Levanda?” (*Bulletin of the Jewish University in Moscow* (1995, No. 3; 1996, No. 1), included in the collection of his works “Russian-Jewish Literature: From A to Z” (Orenburg, 2020). The first of them contains an article by Samuil Osipovich Gruzenberg “Brief Biographical Information about L. O. Levanda” (*Weekly Chronicle of Sunrise*, 1888, No. 11), which remains, as Markish emphasized, the most complete overview of the writer’s life and work. Thus, this study, which analyzes issues of personal and social self-determination in the novel, can be considered relevant.

The purpose of the study is to determine the ways of self-identification of the characters of the novel “The Seething Times” and the influence of social processes on their self-determination.

To achieve this goal, the following tasks have been outlined: an analysis of the novel’s text and character descriptions regarding self-identification, as well as an investigation into how contemporary social conditions shaped the characters’ expressions and ideas. The research draws on the text of “The Seething Times” alongside contemporary political and critical writings. Analyzing the text of the novel “The Seething Times” and the journalist texts accompanying it,

we can say that the author considers the issue of national self-identification of Jews as a determinative factor in the process of their assimilation into the Russian Empire. On the other hand, the historical background of the 1863 Polish uprising allows the author to go beyond the standard narrative of an anti-nihilistic novel and depict the search for personal and social identification in different strata of Jewish society.

Keywords: *Jewish self-identification, Jewish assimilation, anti-nihilistic novel, Polish uprising of 1863, Lev Lewanda*

Reference for citation: Shulman, N. A., 2024, *Mezhdu evreem, poliakom i russkim. Lichnaia identifikatsiia i obshchestvennye granitsy v romane L'va Levandy «Goriachee vremia» [Between a Jew, a Pole and a Russian. Personal Identity and Social Boundaries in the Novel “The Seething Times” by Lev Levanda]. Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 398–410. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.20*

References

- Finkelstein, L., 1997, Jewish Participation in the Polish Struggle for Independence 1794–1918. *European Judaism: A Journal for the New Europe*, 30(1), 70–86.
- Goldberg, B. A., 1900, *L. O. Levanda kak publitsist* [L. O. Levanda as journalist]. Vilna, printed by brothers D. and H. Yalovitzer, 50.
- Horowitz, B., 2013, *Russian Idea – Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life*. Brighton, MA, Academic Studies Press, 307.
- Karafilis, M., 2010, The Jewish Ghetto and the Americanization of Space in Mary Antin and Her Contemporaries. *American Literary Realism*, 42(2), 129–150.
- Ousby, Ia., ed., 1995, *The Cambridge Guide to Literature in English*. Cambridge, Cambridge University Press, 466.
- Sobolevskaia, O., 2012, “Zhenskaia tema” v pol'sko-evreiskom ezhenedel'nike “Izraelita” (1866–1912) [“Women’s topic” in the Polish-Jewish weekly “Israelita” (1866–1912)]. *Materialy 19 Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike* [Proceedings of the Nineteenth Annual International Conference on Jewish Studies], 2. Moscow, Sefer, 398–414.
- Zemtsova, I. V., 2012, Otnoshenie russkoi intelligentsii k evreiskoi integratsii v russkuiu kul'turu (2-ia polovina 19 – nachalo 20 v.) [The attitude of the Russian intelligentsia to Jewish integration into Russian culture (2nd half of the 19th – early 20th centuries)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2, 57–62.